

Алеся Беляева

НАМ С ТОБОЙ ПО ПУТИ

О море, дружбе и любви

Алеся Беляева
Нам с тобой по пути

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Беляева А. А.

Нам с тобой по пути / А. А. Беляева — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Две подруги, Аня и Настя, оставив свои семьи в холодном северном городе, в разгар зимы отправились в недельное путешествие в Турцию. Их не испугали ни совсем не пляжный сезон в этой стране, ни пятимесячная беременность одной из них. За несколько дней путешествия они знакомятся с турецкой культурой, национальной кухней и местными жителями, посещают много интересных мест, оставляя в каждом из них частичку своего сердца. Поездка подарила подругам долгожданный отдых, а Аня обрела новую любовь...

Глава 1

Мела метель... Настя с Анечкой, хмуро глядя сквозь окно пиццерии на безумства северной природы, стояли перед сложным выбором. Анечка была беременна – не настолько сильно, чтобы ей уступали место в автобусе, но всё же вот так запросто, спонтанно решиться на путешествие с Настей она уже не могла.

Когда-то, несколько лет назад, они уехали вдвоем к морю, оставив своих детей и мужей на попечение бабушек. Подруги и сами до какого-то момента не понимали, что они совершили и как им это удалось. Очнувшись в самолете, который нес их к берегам Средиземного моря, они ощутили почти физическую боль от разлуки с дочерьми, которых было уже трое на двоих. Косы... кто заплетет с утра Полину, ведь её кудряшки покоряются только твердой руке матери? А Соне в полтретьего ночи надо принести водички, и непременно из чашки с собачкой, потому что чашка с курочкой для молока... А к двенадцатилетней Свете вообще медленно, но неминуемо подкрадывался переходный возраст...

Но все эти мысли как-то незаметно улетучились и постепенно исчезли вместе с перьями облаков, сквозь которые проступили ровно очерченные берега моря, ряды теплиц, крыши домов, густо усеянные солнечными батареями. Долгожданный отпуск! Конечно, они очень скучали по своим дочерям во время этой недельной поездки, пытались окружить своей материнской заботой всех пробегающих мимо детей, хотели те того или нет, задумчиво рисовали на мокром песке детские силуэты в треугольных платьях, с кудряшками и хвостиками, но они первый раз в жизни были в отпуске одни и наслаждались этим!

Впервые им не надо было кормить завтраком никого, кроме друг друга, и просыпаться можно было не в пять часов утра от сердитого детского сопения в кроватке или от воплей «Маааааамочка!», а тогда, когда захочется. Можно было гулять целый день напролёт без оглядки на приближающийся послеобеденный сон. Можно было валяться на пляже и обсуж-

дать все на свете или просто молчать, лёжа на шезлонге на пустом утреннем пляже и слушая шелест волн и тишину.

И вот теперь, спустя почти три года после той поездки, девчонки сидели, наблюдая, как кружат вихри снега за окном, а со стены кафе на них смотрели пейзажи Средиземноморья и словно бы говорили: «Ну же, трусихи, решайтесь!».

– Страшно, – сказала Анечка, – страшно к морю хочется. Оно там волнуется без нас.

– И не говори! Но ведь ты же будущая мать! Мало ли чего...

– Да, я будущая мать, – почти заорала Аня, вызвав недоуменные взгляды посетителей за соседними столиками, – а потому мне нужен йод, витамин Д и свежий воздух!

– Не нервничай, Ань, тебе нельзя! На, съешь креветочку, она должна восполнить дефицит йода в твоём организме! Хотя ты права. Что дома? Пылесос, швабра, магазин, детский сад, и так по кругу. А там хоть сил наберешься!

– Но четыре самолёта, Настя! Доктор меня убьёт! Ты, кстати, принесла мониторинг из интернета? Как там беременные женщины, летают? Или все как одна носки вяжут?

– Летают, – Настя протянула ворох бумаг. – Как птицы. Кто на двенадцатой неделе в Камбоджу, кто на тридцать восьмой в Парагвай. Говорят, все хорошо. Но я, тем не менее, волнуюсь.

– Не волнуйся, тебе нельзя, у тебя подруга беременная! Ну, всё, решено! Едем! То есть летим! В конце концов, я имею право на каприз! Я устала, я бледная, Ульянка, хоть и сидит в животе, но тоже хочет витаминов, а я хочу на море!

– Анькааа моя! Ура! На вот, съешь еще кальмарчика! Или это не кальмарчик? Ну, все равно съешь, не зря же мы пиццу с морепродуктами выбрали! А потом, совсем скоро, я тебя нормальным морепродуктом накормлю! Аутентичным!

Подруги доели пиццу, обнялись на прощание и расстались, бережно неся в сердце хрустальную мечту о море.

Глава 2

Море уже маячило в ближайшем будущем. Путевки были куплены, отпуска оформлены. Оставалось только ждать, причём совсем недолго.

Впервые в жизни Настя с Аней собирались на зимнее море, поэтому застряли на этапе сбора чемоданов. В сознании боролись два взаимоисключающих слова – ЗИМА и ТУРЦИЯ. Ну, люди добрые, какая же в Турции зима, вы что? Там солнце, гранаты, апельсины, километры пляжей и жаркое солнце... Или не жаркое? В этот раз Настя была ответственна за все организационные мероприятия, впрочем, как и в прошлый, поэтому готовиться к отпуску начала заранее. Просмотр сайтов с прогнозом погоды мало помогал, потому что улетать из минус двадцати градусов в плюс пятнадцать казалось просто раем. Воображение тут же услужливо подсовывало чарующие картинки. Вот они стоят на морском берегу, платья и волосы развеваются от ветра, солнце пригревает, на лице блаженство...

– Настя, привет, а ты колготки под джинсы будешь надевать? – развеяла телефонным звонком Настины мечты Анька.

– Ань, ты чего, какие колготки? Одумайся! Мы ж девушки с севера! Я и в минус тридцать этого не делаю.

– А вдруг холодно будет? Снег пойдет?

– Анечка, иди, съешь конфетку, может, легче станет. Какой снег? Мы, спешу тебе напомнить, не в Лабытнанги летим, а в Турцию!

– Ну и что! Я всегда мёрзну, ты же знаешь! Лично я в колготках поеду! И водолазку еще надену! Слушай, а платьев сколько брать? Три хватит?

– Класс! Логика беременной женщины – это нечто!

– Какой беременной? А кто-то беременный? – шурша оберткой от шоколадки, промычала в трубку Аня.

– Да ну тебя! Никто не беременный, иначе бы мы дома сидели, сериалы глядели. А мы летим! Вдвоем! На море! В общем, бери свои платяга, и носки шерстяные, и колготки тёпленькие тоже бери. Пригодятся. В конце концов, нам еще два дня у моей сестры жить, а Питер – это тебе не Анталья! Мало ли, какой природный катаклизм!

– И возьму! Я, знаешь ли, будущая мать! Мне о ребенке заботиться надо! Вдруг замерзнет деточка?

– Слушай, Ань, ты уж определись – ты мать или не мать? – еле сдерживая смех, сказала Настя, – Ветреная такая.

– Имею право. Еще целых четыре месяца могу себе позволить покапризничать, как любая уважающая себя беременная женщина.

– Балда ты беременная. Обожаю тебя! В общем, ты собирайся давай, и не забудь ленточку красненькую.

– Это еще зачем?

– Слушай, ну ты странная! А как же фотосессия? Ты, пузо, море... романтика! Ленточка так и просится! Перевяжем Ульянку бантиком, красиво будет! Когда ты еще беременная на море поедешь? Такой шанс упускать нельзя! У тебя ж этот, как его... инстаграм!

– Чур тебя! Надеюсь, что никогда. Ладно, ленточка так ленточка. Мне вообще некогда об этом думать, я еще работаю вовсю.

– А у меня уже чемодан собран! Дурное-то дело нехитрое! Пусть себе стоит!

– Насть, ты чего? Еще две недели до вылета!

– Слушай, Анька, хватит ворчать, иди лучше кредит кому-нибудь выдай. У меня, может, тоже каприз, у меня подруга, как ты помнишь того... беременна!

– Прекрати мне напоминать об этом, иначе в отпуске я уйду от тебя в соседний номер! Нет, даже на другой этаж! Будем встречаться за ужином, кивать друг другу вежливо, или вообще не встретимся!.

– Ага, размечталась. У меня на тебя планы. И знаешь, Анька, не хотелось тебе говорить, но ты, кажется, беременна, – прыснула в трубку Настя, отключив поскорее телефон, чтобы последствия от Анькиных гормонов не накрыли ее с головой.

Глава 3

Морозным зимним днём девчонки наконец-то вышли из дома в отпуск. Анька заехала за подругой на такси и теперь с удовольствием наблюдала, как Настя стояла на крыльце подъезда и обнимала большущий красный чемодан, ставший со временем их третьим самым лучшим другом. Девчонки ласково звали его «Красненький».

Где только он не был – преимущественно в таких местах, о которых его хозяйка и не помышляла, потому что он часто ездил без нее. Вследствие его частых путешествий он был изрядно потрепан лентами транспортеров в многочисленных отечественных и зарубежных аэропортах. Каждая дырочка любовно зашивалась Настей после очередного его возвращения на родину, поэтому он был похож на доблестного героя сражений, который никак не может выйти в отставку. Настя каждую заштопанную дырочку неизменно сравнивала с орденом за заслуги. Каждый раз Настя обещала ему, что все, этот раз – последний, потом – на пенсию, но вот он снова в строю. Стоит на снегу, своим ярко-красным цветом символизируя все приближающуюся свободу.

Аня подняла глаза на Настину маму, которая вышла проводить дочь, и поняла, что теперь мама знает всё. Мама была, откровенно говоря, зла. Это было видно даже издали – суровый взгляд, решительная походка... Пару недель девчонкам удавалось скрывать, что они едут в Турцию – там бурлили политические события, и вся родственная община с обеих девчоночьих сторон была радикально против этой страны, поэтому официально подруги собирались

на Кипр. Они и правда поначалу туда собирались, но Турция манила и цены на путёвки туда победили здравый смысл.

Самым трудным было признаться Настиному мужу, Славе. Он был самым здравомыслящим из этой компании, самым рассудительным и осторожным. Настю его рассудительность одновременно и успокаивала, и бесила. Все шестнадцать лет брака с ним она чувствовала себя как за каменной стеной, он был надежным, как скала, но решиться на авантюру – нет уж, никогда, если только авантюра тщательно им не спланирована. И вот как этой скале признаться в том, что две – нет, даже почти три девчонки (Ульяну в Аньке-то никто не отменял) едут одни в Турцию, где злые люди, только-только спустившиеся с гор, непременно украдут всех троих и отправят пасти коз до конца их дней? Все доводы, что Анталья – современный мегаполис с адекватными людьми и козами, не принимались в расчет.

Настя придумала идеальный план, как без сучка, без задоринки сообщить мужу о конечной цели путешествия. Сначала они усиленно собираются на Кипр, потом самолет на Кипр внезапно отменяют и им не остается ничего другого, как – ну, что уж теперь поделаешь, – лететь в Анталью. Идеальный план разбился в идеальные щепки, когда однажды вечером встретились Аня, Настя и Слава. Аня, передавая Насте пакет с вещичками для Сони, из которых ее Полина уже выросла, сказала:

– Слушай, поедем в отпуск – хоть маек новых девчонкам накупим. Я вот в одном магазине разговорила с продавщицей, она так наловчилась, едет в Турцию, покупает там за копейки турецкий трикотаж, потом здесь в своем магазине продает. И ездить как-то недорого научилась, представляешь? А что, и правильно делает, турецкие вещички носятся долго, хоть каждый день стирай. Так что пойдём на турецкую распродажу, да, Насть?

– Ага, – промямлила Настя, прислонившись к дверному косяку и плавно с него сползая.

Она с первых слов поняла, куда дует ветер. Размер её глаз увеличивался с каждым Анькиным словом, а Аня словно не замечала этих знаков. К концу монолога Настя смирилась и перестала и считать, сколько раз подруга скажет слово «турецкий», потому что остановить этот поток было невозможно.

Теперь она смиренно ждала Славкиной реакции, втайне надеясь, что он не вслушивался в Анину болтовню. Но нет. Вслушивался. Внимательно.

– Так, я чего-то не понял, вы в Турцию летите? Вы ж на Кипр собирались?

– Мы-то? Ну, мы это... собирались... а потом... понимаешь... так получилось, что... Ага, в неё, – выдохнула в конце концов Настя, а в Анькиных глазах отображалась, подгоняемая сознанием, вся цепочка событий, произошедших только что.

– Ну, вы даёте, – выдохнул Славка, мысленно махнув рукой и на жену, и на ее подругу, и на коз с пастухами.

Да, ситуация была нештатной, а Настин идеальный план оказался ни к чему, ведь Аня решила проблему быстро и решительно. И весело.

Анины родственники в итоге восприняли всё без истерик, но оставались еще Настины мама и сестра, Надежда. Объяснения с сестрой были отложены на день прощания, ведь подруги два дня решили провести в Питере, прогуляться по Невскому проспекту и полюбоваться архитектурой. Вот поедет Надежда провожать их в аэропорт – ну, а там уже куда деваться, они быстренько признаются и убегут на регистрацию. План тоже был неплох, но и он оказался лишним, ведь Настя не могла не рассказать сестре о том, как легко и непринужденно Анька призналась в преступлении.

Итак, осталась только мама. В самое утро вылета, за завтраком, с наслаждением потягивая свежесваренный кофе, Настя как бы между прочим сообщила маме, что маршрут несколько изменился и летят они в Анталью. Вообще, она надеялась, что мама, никогда не бывавшая за границей, не заметит подвоха в смене географических названий. Ларнака, Анталья – какая, собственно, разница?! Но нет. Бдительная мама сурово сдвинула брови, сказала, что обе

девицы не отличаются умом, залпом допила кофе, словно это был коньяк, и решительно двинулась к выходу, с легкостью схватив чемодан в одну руку и непутёвую дочь в другую.

И вот теперь мама строго смотрела на подъехавшее такси и Аню так, словно они навеки отбирают у нее дочь. Пока нерасторопный таксист только подумал о том, чтобы помочь хрупкой женщине положить чемодан в багажник, эта хрупкая женщина рывком подняла чемодан, со злостью поставив его сначала на пластиковый бампер, отчего бампер жалобно сморщился, а таксист жалобно крикнул, а потом задвинула чемодан в багажник, оставив неизгладимый след на бампере и в сердце таксиста. Расцеловав на прощанье бестолковых детей, мама отправилась по своим делам, неся в материнском сердце целый ворох переживаний.

Такси отъехало от дома. Притихнув, Аня и Настя переглянулись, подумав об одном и том же: «Да, здорово начинается наш отпуск!»

Но все грустные мысли выветрились из головы, лишь только такси подъехало к аэропорту.

Глава 4

Спустя час, пройдя все бюрократические заслоны, девчонки сидели в просторном зале с большими окнами, ожидая вылета, и лениво рассматривали пассажиров. Вот молодой мужчина с папкой и ноутбуком – очевидно, командировка. А годовалый малыш, переваливаясь на пухлых ножках, с любопытством заглядывал под каждое сиденье, пока мама болтала по телефону, и одаривал каждого счастливой беззубой улыбкой. Женщина очень строгого вида с неестественно прямой спиной сидела, уткнувшись в книгу. Наверно, учительница. У всех своя жизнь, свои причины оказаться здесь. Кто-то отправляется в путешествие, кто-то через считанные часы встретится с самым главным человеком в своей жизни, а кто-то просто возвращается домой. Для некоторых – все в новинку, и глаз не оторвать от лётного поля, и от пред-

вкушения полёта дрожь пробегает по всему телу. А для кого-то – это просто рутина, и хочется поскорее оказаться в месте назначения, минуя утомительные досмотры, полёт и гадкий кофе в самолёте.

Аня с Настей наслаждались этим всем, поэтому даже самому изысканному напитку в лучшем кафе своего города они бы предпочли растворимую жидкость с едва уловимым кофейным ароматом, но в салоне самолёта, ведь это означало бы начинающееся приключение, о котором они так давно мечтали.

При всей строгости досмотров Ане удалось пронести в зал вылета бутылочку с водой, что категорически запрещено правилами, развешенными на каждом свободном сантиметре аэропорта.

– Насть, водички хочешь? – Аня как ни в чем ни бывало открыла сумку и достала контрабанду.

– Ань, ты чего, воду протащила? – вытаращила глаза Настя.

– Слушай, чего сразу орать-то? Ну, протащила, и что? Я, если, честно, про нее совсем забыла, а сейчас вот в сумку полезла и нашла.

– Ну, да. Главное – уверенность в своей правоте. Одна забыла, вторая не знала, вот так правила безопасности полетов и нарушаются. А потом международные проблемы начинаются, из-за которых простым смертным нельзя летать, куда они хотят.

– Слушай, Насть, ты сегодня решила быть идеальной? А давай-ка я тебе напомним, как кто-то когда-то совершенно неслучайно выкинул в сугроб жвачку? Что скажешь об идеальности этого деятеля, а?

– Жвачка – это биоматериал, она разложится, станет удобрением, а на ее месте вырастет одуванчик. И вообще, они сами виноваты. Почему они урну не поставили? Я бы тогда осталась идеальной в твоих глазах.

– Ой, меня от твоей идеальности иногда подташнивает. Не могла бы ты быть обычной? Ты мне такая больше нравишься.

– Тебя подташнивает, потому что ты беременна. Слушай, Ань, а тебе никогда не приходило в голову, что мы действительно идеальны? Ну, правда?

– Ты знаешь, как-то нет, не приходило. Чаше наоборот! Особенно на планёрках по утрам, когда начальство устраивает разнос!

– Да ладно?! Ну, вот смотри! Вот просыпаешься ты утром, смотришь на себя в зеркало, а на тебя оттуда глядит идеальная красота! Скажешь, нет?

– Наааасть, вы там с мамой что на завтрак пили? Когда я просыпаюсь утром, на меня оттуда глядит лохматое заспанное чудовище, которое ненавидит весь мир.

– Ну, это-то понятно, у меня в зеркале такое же живет. Но это мелочи. Исправимые. В целом же наша красота – идеальна! Фигуры – идеальны! Ты же помнишь, как сказал нам однажды наш бывший коллега? «Фитнес Вам ни к чему!» Это он так завуалировал признание нашего совершенства! А манеры, а способности, а таланты! А наш ум, Ань – он же тоже идеален! Такое иногда генерирует – диву даёшься! Не во всех сферах жизни, правда, работает, бывают проколы, но если не вдаваться в подробности – пора признать, Анечка, мы – совершенны! Богини просто! И если уж встречаем во что-нибудь – то идеально и божественно!

– Ой, я своим идеальным умом сейчас поняла твой тонюсенький намек на мой идеальный брак, в который я вляпалась дважды!

– В том числе! Подумай только! У тебя – идеально невыносимый муж! У меня – идеальная, прямо-таки хрестоматийная в своем переходном возрасте старшая дочь! Они даже нервы нам мотают как? Подумай хорошенько?

– Как, как? Идеально! – прыснула Анька.

– Что и требовалось доказать! Пошли, богиня, на нашу колесницу посадку объявили!

– Бежим! – решительно сказала Аня, вскочив с сиденья с грацией женщины, всё время забывавшей о своей пятимесячной беременности.

В самолёте Аня попыталась поспать. Раньше ей это удавалось виртуозно. Она засыпала моментально в любом транспорте. Настя же спать не могла нигде, кроме кровати, и желательно в комнате с открытым окном, поэтому сейчас даже и не пыталась заснуть, уткнувшись в чтение. Спустя двадцать минут Аня открыла глаза и пристально посмотрела на подругу.

– Ты зачем меня укусила? – неожиданно бодро спросила Аня. – Я заразилась бессонницей.

– Что, Анечка, не спится? Добро пожаловать в наш «Клуб неспящих»!

– Мы так не договаривались! Я вообще-то в отпуске. А в отпуске люди спят. Тем более беременные. Им сон необходим.

– Ань, это не про нас. Это нормальные люди спят. А мы ж эти... идеальные!

– Слушай, Настасья, я вот подумала – всё-таки хорошо, что я беременна! В этом отпуске ты хотя бы не будешь заставлять меня бегать по пляжу в шесть утра, как в прошлый раз!

– Ой, а кто заставлял-то? Я просто уточняла, не хочешь ли ты составить мне компанию. А ты почему-то соглашалась. Я-то тут при чём?

– Ага, не согласишься с тобой, всю жизнь бы потом мне это вспоминала, – бурчала себе под нос Аня. – Нет бы спать, так нет, шатались по пляжу как бездомные.

– Нет, не бездомные, а спортивные и позитивные! И вообще, те рассветы были так прекрасны, вспомни, Ань! Жалко было бы проводить их в номере, лицом в подушку! Как говаривал паровозик из Ромашково, «если мы не увидим его, то, может быть, мы опоздаем на всю жизнь. Ведь каждый закат единственный в жизни, граждане!» В нашем случае рассвет, но смысл тот же.

– Ничего не знаю, закаты, рассветы – это все, конечно, очень приятно и романтично, но не забывай, что я – беременная женщина! Мне положены скидки! Как там, кстати, скидки по-турецки? Выучила?

– Конечно! Indirim! Да не волнуйся, Ань, будут тебе скидки! Обещаю! Только тут есть одна загвоздочка, мой друг!

– Ну-у, начинается... Бегать же ты меня не заставишь?

– Нет, я же не изверг какой-нибудь, я тебя вообще-то люблю! Можешь не бегать, но походить придется изрядно.

– Что, опять путеводитель на пятьсот страниц сочинила?

– Ага, примерно, – загадочно улыбаясь, ответила Настя, предвкушая предстоящие прогулки. – А ты спи давай, не болтай. Вдруг получится? Хоть одна выспится.

Девчонки откинулись на спинки кресел, погружившись каждая в свои мысли. Все осталось позади – Анин муж, который делал ее жизнь непредсказуемой, Настина старшая дочь со своими подростковыми проблемами. Всё-таки со временем жизнь делает людей мудрее. Они не могли изменить ситуацию, не могли решить разом все свои проблемы и переживали друг за друга подчас сильнее, чем за себя, но они научились – им пришлось научиться – абстрагироваться от проблем хотя бы на несколько дней, как советуют психологи. Сейчас самая главная проблема, которая волновала их – температура воздуха в Антальи. Начиналась эмоциональная перезагрузка.

Глава 5

Питер встретил приезжих серостью и туманом. Девчонки забрали багаж и не торопясь пошли к выходу. Там их должна была ждать Настина сестра, Надя. Разница в возрасте у сестер была семь лет, и они любили друг друга до умопомрачения. Они знали друг о друге всё. Существовало два лагеря – в одном были Настя с Надей, в другом – весь остальной мир. Не то,

чтобы они противостояли всем, нет. Они жили со всеми по возможности дружно, но если возникала какая – то спорная ситуация – с родителями, знакомыми, детьми – их мнение по любому вопросу было единым. Всегда. Безоговорочно. Сёстры были единым целым, как близнецы, и чувствовали друг друга на расстоянии. Они с лёгкостью могли предугадать фразу, которая должна быть произнесена, чем вызывали недоумение родственников. Родные не понимали, как им это удастся. Собственно говоря, Надя с Настей тоже не понимали, но, тем не менее, это было так.

Раньше, лет десять назад, каждая встреча вызывала бурный восторг и шквал эмоций. Сейчас при встрече у них появлялось такое ощущение, словно они не расставались. Девчонки казались совершенно спокойными внешне, но в их сердцах жила какая – то патологическая нежность, которая становилась тем сильнее, чем старше они становились и чем дольше они не виделись.

Редкие встречи сёстры восполняли ежедневными телефонными разговорами по мобильному. Они настолько привыкли к ним, что с некоторых пор перестали даже здороваться. Это был один затяжной разговор, длившийся несколько лет. Он начинался обычно словами «Слушай, сестра, будешь со мной бельё гладить?» или «Проводишь меня до работы?». Вариантов было множество, поскольку список домашних дел был нескончаем, а ходить на работу, имея под боком сестру – пусть даже и в телефонной трубке – куда приятней. Совершенно спокойно разговор мог быть закончен фразой «Всё, прощай!». Это значило, что одна из сестёр дошла, например, до работы, и перезвонит вечером. «Бесишь!» – отвечала ей обычно вторая. Откровенно говоря, когда посторонние люди, а уж тем более родители слышали такое, они никак не могли взять в толк, что в отношениях между сёстрами царит любовь.

Мама обычно делала большие глаза и говорила «Девочки, вы что?» А девочкам было смешно смотреть на удивлённые глаза окружающих.

Папа, суровый военный в отставке, настоящий полковник, не привыкший к сантиментам в своей бывшей военной жизни, тем не менее, с трепетом относился к тому, как любят друг друга его дочери, страшно гордился этим, поэтому слышать такие речи было выше его сил. Хотя о чём можно часами болтать по телефону, папа не понимал. В его понятии телефонный разговор был необходимым для сообщения информации – кратко, по делу. Когда он звонил дочерям, обычно он говорил: «Так, доложить обстановку!». Послушные дочери раньше пускались в длинные рассказы о детях, событиях и новостях, но папа заявлял: «Всё, разговор окончен». Такой вот мужской военный подход.

Однажды, когда маленькой Соне исполнилось три месяца, Настя поняла, что не может человек жить на свете и не быть знакомым со своей племянницей. Она сюрпризом прилетела к Наде. Надин муж, Сашка, был, конечно, в курсе авантюры, мужественно держал оборону и тайком от жены удрал из дома, чтобы встретить Настю с малышкой в аэропорту. По дороге обратно он переживал, что не успел навести дома порядок к приезду родни, потому что сделать это, не вызывая Надиных подозрений, было невозможно. А Настя, прижимая к груди сладко посапывающую Соню, предвкушала реакцию сестры. Ей было все равно, чисто ли вымыты полы и разложено ли поглаженное бельё по шкафам, ей было важно лишь одно – обнять сестру и показать ей Соню, имя которой они выбирали вместе.

Реакция была ожидаема – сестра плакала, смеялась, снова плакала, не отпуская обалдевшую от такого накала страстей Сонечку. В разгар всего этого концерта из комнаты вышел трёхлетний Надин сынок, Шурик, который оглядел присутствующих и совершенно невозмутимо сказал:

– О! Настя пришёл!

Казалось, что Настя «выходил» за хлебом на пять минут и «вернулся». Ничего особенного Шурик в этом не видел и не понимал, почему все обнимаются, плача и хрюкая при этом,

как поросята, и что за куклу в розовом комбинезоне его собственная мама никак не может выпустить из рук.

Вот так же естественно, как будто расстались только утром, а не год назад, сёстры встретились и сейчас. Только им одним было заметно, как зорко Настя высматривала в толпе родное лицо и как крепко, почти до хруста костей, Надя обняла при встрече своего ребёнка, ведь она считала Настю не папиным и маминым ребёнком, а своим. Она нянчила ее в детстве, учила готовить, решать уравнения, вовремя подсовывала нужные книжки и даже писала заявление на поступление в школу, хотя ей самой было тогда всего тринадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.